

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ НОВОЕВРОПЕЙСКОЙ ЭТИКИ)

Новоевропейский период был особенным в истории моральной философии. Именно в XVII–XVIII вв. феномен морали в его полноте и целостности становится специальным предметом философского интереса, это время формирования философского понятия морали¹. Особое место проблема осмысления своеобразия морали занимала в британской философии – в этике кембриджских платоников Р.Кадворта и Г.Мора, в этике сентименталистов Э.Э.К. Шефтсбери, Ф.Хатчесона, Д.Юма, в моральной философии Дж. Батлера, интеллектуалистов С.Кларка, У.Уолластона, Дж. Бэлгая, Р.Прайса и др. Процесс формирования философского понятия морали шел по следующим направлениям: мораль отделялась, во-первых, от стихийных факторов поведения (от стремления к удовольствию, от привычек, предрассудков), во-вторых, от культурных факторов (от религии, общественных законов, политики, традиций, воспитания, обучения и т. п.), в-третьих, выявлялись и становились предметом осмысления существенные особенности самой морали. Параллельно содержательному осмыслению морали шла выработка специального языка, посредством которого можно было бы адекватно и точно выразить ее особенности.

По утверждению Аласдера Макинтайра, именно в Новое время, в конце XVII – начале XVIII в., само слово «мораль» впервые в истории философии становится названием конкретной сферы, внутри которой действуют особые правила поведения, не сводимые к религиозным, правовым или эстетическим правилам. Моральным правилам отводится их собственное культурное пространство. Макинтайр также замечает, что в этот период концептуальное разделение морального и теологического, правового или эстетического стало общепризнанным, и «проект независимого рационального обоснования морали стал центральным для североевропейской культуры, а не только лишь предметом интереса отдельных мыслителей»².

Однако думается, что процесс формирования философского понятия морали и специального этического языка, завершился, вероятно, к концу XVIII в.³ Лишь к этому времени складывается концепт «мораль» в том современном значении, о котором говорит, в частности, Макинтайр. До этого в моральной философии очевидна терминологическая неопределенность: сферу, которую сегодня принято обозначать понятием «мораль», в указанный Макинтайром период британские философы пока еще описывали самыми разнообразными терминами.

¹ См.: *Апресян Р.Г.* От «дружбы» и «любви» – к «морали»: об одном сюжете в истории идей // *Этическая мысль: Вып. 1 / Под ред. А.А.Гусейнова.* М., 2000. С. 183–184.

² См.: *MacIntyre A.* *After Virtue. A Study in Moral Theory.* Notre Dame (Indiana), 2d ed., 1984. P. 39. Макинтайр здесь ведет речь о североевропейской, как он выражается, культуре, поскольку именно североевропейская культура, с его точки зрения, задавала облик новоевропейской культуры в целом и философии, в частности. Именно английская и в первую очередь шотландская философия в конце XVII – начале XVIII в., как считает Макинтайр, по идейному и концептуальному разнообразию превосходила не только французскую, но даже немецкую философию.

³ На это обращает внимание Р.Г.Апресян в работах, посвященных новоевропейской этике. См., например: *Апресян Р.Г.* От «любви» и «дружбы» – к «морали»: об одном сюжете в истории идей.

Следует отметить, что ситуация терминологической неопределенности вполне осознавалась британскими философами морали, необходимость ее преодоления они рассматривали как требующую неотложного решения проблему. Во многих этических трактатах терминология, «способы выражения» («*ways of speaking*»), становились предметом критической рефлексии. Например, Хатчесон подчеркивал чрезвычайную важность избавления от ошибок, вызванных «смешением двусмысленных слов»⁴. Отвечая на замечание Хатчесона, высказанное в адрес С.Кларка, Бэлгай посчитал необходимым сформулировать определения ключевых, с его точки зрения, моральных понятий, в числе которых – «добродетель», «моральные действия», «обязанность», «разум», «истина» и др.⁵. Чрезвычайно чутким к проблеме языка был Прайс, так или иначе обращавшийся к ней на протяжении всего текста своего главного этического произведения – «Обозрения основных вопросов морали». Специально эту проблему он обсуждает в 6-й главе, которая называется «О пригодности, моральной обязанности и различных формах выражения, которые использовались различными авторами при объяснении морали»⁶. Некоторые современные исследователи обращают внимание на чрезмерную и неоправданную придирчивость Прайса к терминологии оппонентов. Так, Г.Лабоше сетует на то, что Прайс нередко спорит по несущественным вопросам терминологии даже с теми, кто оказал на формирование его философской позиции чуть ли не определяющее влияние⁷. А У.Д.Хадсон, анализируя полемику Прайса с Хатчесоном по вопросу об источнике моральных идей, характеризует ее как всего лишь спор о словах⁸ (что, с содержательной точки зрения, совершенно справедливо). Понятно внимание исследователей XX в. прежде всего к содержательному смыслу анализируемых концепций, а не к языковым формам его выражения. Однако нельзя упускать из виду тот несомненный факт, что сам «спор о словах» в моральной философии XVII–XVIII вв. был ее существенной, неотъемлемой частью, именно в таких спорах формировался язык этики как специализированной философской области знания со своим собственным предметом.

По мнению Р.Г.Апресяна, понятие «мораль» в более или менее знакомом нам значении появляется благодаря Юму (с некоторыми оговорками), и это стало возможно, поскольку в теоретических опытах британских моралистов были созданы условия для концептуального синтеза⁹. Однако даже сам факт понятийной оформленности сферы морали не сразу был осознан в британской этике. И не только до Юма, но и после него в языке, с помощью которого очерчивалась и обсуждалась эта сфера, сохранялось разнообразие, а по-другому говоря, отсутствовала строгость. Например, первое издание «Обозрения основных вопросов Прайса» (1758) вышло уже после «Иссле-

⁴ *Hutcheson F.* An Essay on the Nature and Conduct of the Passions and Affections, with Illustrations on the Moral Sense. Treatise II. Illustrations upon the Moral Sense. Indianapolis, 2002. P. 133.

⁵ См.: *Balguy J.* The Foundation of Moral Goodness. Part I // Raphael D.D., ed. The British Moralists: 1650–1800. 2 vol. Vol. I. Indianapolis–Cambridge (Inc). P. 398–401.

⁶ См.: *Price R.* A Treatise on Moral Good and Evil // Review of the Principal Questions in Morals / Ed. D.D.Raphael. Oxford, 1948. P. 104–130.

⁷ См.: *Laboucheix H.* Richard Price as Moral Philosopher and Political Theorist. Oxford, 1982. P. 45.

⁸ См.: *Hudson W.D.* Reason and Right. A Critical Examination of Price's Moral Philosophy. L., 1970. P. 2–3.

⁹ См.: *Апресян Р.Г.* Европа: Новое время. Введение // История этических учений / Под ред. А.А.Гусейнова. М., 2003. С. 554.

дования о человеческом разумении» (1748) и «Исследования о принципах морали» (1751) Юма, однако Прайс, как это будет показано далее, помимо термина «мораль» для обозначения сферы морали, употреблял и другие термины. И даже Кант, с именем которого связывают кульминацию процесса формирования философского понятия морали, практически не употреблял термин «мораль» в привычном нам значении ни в названиях этических работ, ни в их в текстах¹⁰.

В целом симптомы терминологической неопределенности в новоевропейской британской этике проявлялись по меньшей мере в трех следующих моментах. Во-первых, привычное для современного исследователя содержание понятия «мораль» здесь выражалось терминами «добро», «зло», «добродетель» и др. – теми, которые указывают на ту или иную сторону морали, ее отдельное проявление, но не на мораль в ее общем значении. Одновременно с этим понятие «мораль» могло употребляться как раз для выражения одной из составляющих, сторон моральной сферы. Во-вторых, само использование термина «мораль» было расплывчатым, нестрогим: данный термин употреблялся то в качестве синонима добродетели, то в качестве характеристики природы человека, то в качестве предмета морального одобрения, то в качестве синонима высших ценностей, добра и т. д. В-третьих, даже в тех случаях, когда этическое рассуждение, предметом которого были сущность и своеобразие морали, характеризовалось особой лексической рефлексивностью, строгостью и последовательностью, для обозначения сферы морали, помимо понятия «мораль», употреблялись и другие специальные термины, например, термин «rectitude».

Коротко говоря, ситуация, сложившаяся в британской этике в XVII–XVIII вв., характеризовалась тем, что в то время, как интеллектуальные поиски моральных философов концентрировались на поиске сущности морали, ее «чистого» смысла, для обозначения самого феномена морали еще не было найдено слова. В данной статье предполагается, во-первых, описать положение дел в британской этике Нового времени в отношении практикуемых ею при обозначении моральной сферы «способов выражения», во-вторых, проанализировать усилия британских авторов по поиску, прояснению и уточнению термина для обозначения главного в этической сфере понятия.

Имена для морали

Интересным в целях прояснения положения дел в британской этике по рассматриваемой проблеме может стать сопоставление названий этических трактатов и их содержания. В названиях произведений, в которых осмысливалась природа морали, использовались самые разные моральные термины. Само содержание этических трактатов, с одной стороны, и их названия – с другой, свидетельствуют о том, что сфера, обозначаемая сегодня понятием «мораль», авторами этих трактатов определялась по-разному. Например, Шефтсбери анализировал мораль в «Исследовании о добродетели и заслуге» (1699), Батлер – в «Рассуждении о природе добродетели» (включенном в «Аналогию естественной религии и религии Откровения с устройством и движением природы», 1736), Бэлгай – в «Основании моральной доброты» (1-я часть опубликована в 1728, 2-я – в 1729). Произведение, в котором Хат-

¹⁰ См.: *Апресян Р.Г.* От «любви» и «дружбы» – к «морали»: об одном сюжете в истории идей. С. 184.

чесон обсуждает особенности морали, называется «Исследование о происхождении наших идей красоты и добродетели в двух трактатах» (1725), второй трактат, непосредственно посвященный вопросам морали, называется «О моральном добре и зле». В «Обзрении основных вопросов морали» (первое издание – 1758) Прайса входит «Трактат о моральном добре и зле», который составляет основное содержание «Обозрения». Лишь в третьем издании «Обозрения...» (1787 г.), помимо трактата, Прайс включил «Рассуждение о бытии и атрибутах Божества». Так что этическая концепция Прайса изложена именно в трактате, судя по названию, посвященном вопросам морального добра и зла, но реально – гораздо более широкому кругу этических вопросов. В своем трактате Прайс анализировал основание морали, природу моральной способности, отношение морали и Божества, морали и божественной воли, гражданского законодателя, морали и гражданских законов, обычаев. Он исследовал также природу моральной обязанности, специфическое содержание моральных обязанностей, понятия добродетели и порока, особенности осуществления добродетели в реальности, принцип действия морального субъекта и критерии правильного поступка и многие другие вопросы.

В.Волластон обсуждал проблемы морали в работе «Начертание религии природы» (1722). Под религией же он понимал «...ничто иное, как обязанность ... совершать то, чем нельзя пренебречь, и воздерживаться от того, что не должно быть совершено»¹¹. По существу, обсуждая вроде бы религию, он говорит на языке, который сегодня однозначно ассоциируется с этическим дискурсом. Естественную, или укорененную в природе вещей, религию Волластон выводит из различения морального добра и морального зла¹². Моральное добро и моральное зло, согласно Волластону, проявляются в отношении человеческих действий к истине. Отсюда он выводит «великий закон» религии, тождественный в рамках его концепции, с законом природы, или – с законом творца природы. Этот закон состоит в следующем: «каждое разумное, деятельное и свободное существо должно вести себя так, чтобы никаким действием не противоречить истине»¹³.

Как известно, концепция естественной религии возникла в эпоху Просвещения. Она предполагала, что существуют некоторые общие представления о божественном, которые основаны не на откровении, а на разуме и на обыденном опыте человека¹⁴. В концепции естественной религии Волластона центральными оказываются не столько представления о высшем существе, сколько вопросы о природе добра и зла, о моральной обязанности.

Даже те авторы, которые использовали термин «мораль» (*morality*) в названии своих произведений, в самих текстах далеко не всегда употребляли его в строгом значении. Это обнаруживается, в частности, в том, что термин «мораль» используется в качестве синонима терминов «добродетель», «справедливость», «добро», «правильное» и т. п. или как рядоположный им. Например, исследованию вопросов морали посвящено произведение одного из самых ранних английских утилитаристов – Джона Гэя «О фундаментальном принципе морали, или добродетели» (1731), в котором термин «мораль» употребляется в общем смысле лишь при упоминании писателей, обращающих

¹¹ *Wollaston W. The Religion of Nature Delineated. 8th ed. London: Printed for J.Beecroft, J.Rivington, J.Ward, R.Baldwin, W.Johnston, S.Crowder, P.Davey and B.Law, and G.Keith, 1759. P. 41.*

¹² *Ibid.*

¹³ *Ibid. P. 41–42.*

¹⁴ См., например: *Павлова Т.П. Естественная религия // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 2. М., 2001. С. 22.*

ся к теме морали (*writers of morality*) и однажды – в значении объекта одобрения. Далее в работе Гэя речь идет о сущности добродетели и ее критерии, об обязанности добродетели, об одобрении, о достоинстве, уважении и пр. Там, где Гэй обсуждает понятие добродетели, ее принцип, или критерий, обязанность, по существу речь идет не столько о добродетели, сколько о морали в целом в современном смысле слова.

Среди работ британских авторов встречаются такие, в которых термин «мораль» в названии не сопровождается никакими синонимами. Например, работа Джона Кларка (из Халла) называется «Основание морали, рассмотренной в теории и практике» (*«The Foundation of Morality in Theory and Practice considered»*, 1726), а одно из главных произведений Кадворта – «Трактат о вечной и неизменной морали» (*«A Treatise Concerning Eternal and Immutable Morality»*), посмертно опубликован в 1731). Однако гораздо более употребительным, чем слово «мораль», в трактате являются слова «добро», «зло», «справедливое», «несправедливое», «справедливость». Обсуждая природу морали, Кадворт говорил о природе добра и зла, справедливого и несправедливого и т. п. Интересно, что он считал необходимым объяснить, почему именно эти термины он употребляет в своем исследовании. Кадворт заметил, что эти слова (а помимо перечисленных, также «похвальное и постыдное», «честное и бесчестное») используются Платоном и другими авторами в своих произведениях как синонимичные¹⁵. Чаще всего Кадворт говорил о справедливости или о естественной справедливости как об общем понятии, охватывающем моральную сферу. Это становится очевидно уже из формулировки главной цели «Трактата о вечной и неизменной морали». Свое исследование Кадворт предварил следующим объяснением: поскольку многие философы и теологи ошибочно считают, что моральное добро и зло, справедливое и несправедливое, похвальное и постыдное, честное и бесчестное таковы не по природе, а в силу установления – кодексов и пандектов, законов конкретной страны и религии, – то сам он, желая исправить ошибку, взялся за исследование, направленное на доказательство того, что «во-первых, если что-либо вообще является добрым или злым, справедливым или несправедливым, то с необходимостью должно существовать нечто, что является естественным образом и неизменно добрым и справедливым». Во вторую очередь Кадворт намеревался показать, «в чем состоит эта естественная, неизменная и вечная справедливость, каковы ее отдели и разновидности»¹⁶. Иными словами, обоснование вечности и неизменности естественной справедливости составляет главное содержание трактата, посвященного «вечной и неизменной морали». Понятия морали и естественной справедливости оказываются синонимичными, взаимозаменяемыми. У Кадворта встречаются и другие высказывания, по которым можно судить о том, что термин «мораль» употреблялся им в значении более частном, чем термин «естественная справедливость»¹⁷, в контексте которых мораль (*moralty*) оказывается характеристикой рациональной природы. Эта природа обладает данной характеристикой в силу того, что ее детерминирует и обязывает естественная справедливость (*natural justice*).

¹⁵ См.: *Cudworth R. A Treatise Concerning Eternal and Immutable Morality*. London: Printed for James and John Knapton, at the Crown in St. Paul's Church-Yard, 1731. P. 12–13. При переводе, в соответствии с правилами современного правописания, опущено написание слов с прописной буквы в середине предложения, которое использовали авторы того времени. – О.А.

¹⁶ Ibid. P. 13.

¹⁷ См.: *ibid.* P. 26–27.

С точки зрения понимания процесса формирования этического понятийного аппарата представляет интерес также работа Генри Мора, написанная на латыни. Ее латинское название – «Enchiridion Ethicum» (1667), а на русский язык ее переводят как «Руководство по этике»¹⁸. В английском переводе текста Мора термин «ethics» – этика – употребляется и в значении морали в целом, и в значении знания о морали, т. е. в значении этики в собственном смысле слова. Скажем, в первой главе, «Что такое этика?», Мор дает следующее определение: «Этика – это искусство жить хорошо и счастливо»¹⁹. Далее он разъясняет, в чем состоит это искусство, рассматривает этику в единстве ее частей – знания о счастье и о способах его достижения – добродетелях (фактически воспроизводя аристотелевскую структуру этики), формулирует аксиомы, или интеллектуальные принципы, составляющие содержание морали, анализирует различные страсти, добродетели в собственном смысле слова, обсуждает проблему свободы воли, исследует понятия добра и зла. В свете анализируемой темы интересно, что в первом английском переводе, сделанном Эдвардом Саутвеллом в 1690 г., данная работа Мора называется «An Account of Virtue», что на русский язык можно перевести как «Объяснение добродетели». И если сам Мор вполне точно и адекватно выразил суть своего произведения в латинском названии, то переводчик не был столь точен в силу того, что для него, как и для многих других, в том числе моральных философов, не были строго концептуализированы понятия «этика», «мораль» или «добродетель».

Rectitude

Одним из наиболее строгих и последовательных британских моральных философов в осмыслении природы и своеобразия морали был уже не раз упоминавшийся интеллектуалист Ричард Прайс. Недаром некоторые сторонники аналитической этики видели в нем своего идейного предшественника²⁰. Думается, Прайс по сравнению со своими старшими современниками был наиболее близок к целостному позитивному осмыслению морали как особого феномена и в функциональном и в содержательном смыслах²¹. Но и Прайс, с особым вниманием и требовательностью относившийся к языку, едва ли был вполне строг в терминологическом маркировании феномена морали. То содержание, которое охватывается современным понятием «мораль», он обозначал то термином «мораль», то «добродетель». Однако несомненный интерес представляет то, что поми-

¹⁸ См., например: *Апресян Р.Г.* Из истории европейской этики нового времени (этический сентиментализм). С. 14; *Ковалева И.В., Семенов А.А.* Общая характеристика философии Генри Мора в контексте основных научных и теологических проблем XVII в. <http://www.plato.spbu.ru/AKADEMIA/akademia5/17.pdf>.

¹⁹ *More H.* Enchiridion Ethicum [Translated from Latin by E.K.Rand] // *The Classical Moralists / Compiled by B.Rand.* Boston, 1937. P. 241.

²⁰ Например, с точки зрения Г.Рэшдэлла, Э.Ф.Кэррита, Ч.Д.Брода и др. до самого конца XIX в. не было написано этических работ, соизмеримых по глубине и последовательности с работой Прайса. Как писал о Прайсе Г.Рэшдэлл, «его “Обозрение основных вопросов и трудностей морали” я считаю лучшей опубликованной работой по этике вплоть до самого недавнего времени. Оно содержит суть кантианской доктрины без путаницы, внесенной Кантом» (*Rashdall H.* The Theory of Good and Evil. A Treatise on Moral Philosophy. Oxford, 1907. P. 80).

²¹ Подробнее о концепции морали Прайса см.: *Артемяева О.В.* Концепция морали в этическом интеллектуализме Нового времени // *Этическая мысль.* Вып. 2. М., 2001. С. 132–150.

мо общего термина «мораль» Прайс употреблял еще один особый английский термин для обозначения того же содержания, а именно – «rectitude» (по частоте употребления «rectitude» сопоставимо с «morality» – 75 и 71 раз соответственно).

На русский язык термин «rectitude» переводится как **честность, прямота, правильность**. В английском это слово зафиксировано в самом начале XV в. в значении «обладать качеством прямоты, быть прямым». И с 1530-х гг. оно встречается в значении «честное в поведении и характере»²². В английский язык слово «rectitude» пришло из **среднефранцузского**. Непосредственным источником и английского, и французского слов «rectitude» является позднелатинское слово «rectitudo», восходящее к латинскому прилагательному «rectus», изначально означавшее «прямой» и позже, помимо прочих значений, – «правильный», «разумный», «здоровый». Значение прямоты сохраняется и при употреблении английского слова «rectitude» в этическом контексте. Например, Волластон противопоставлял «rectitude» и «obliquity»²³. Такое же противопоставление встречается и у Локка²⁴. «Obliquity» означает отклонение от прямой линии, от прямого пути, а также – нравственную извращенность, моральное нарушение. С существительным «rectitude» соотносится употребительное в английской этической литературе прилагательное «right» – правильное. Это слово образовалось из староанглийского «riht» – «справедливый», «добрый», «надлежащий», «пригодный», «прямой», которое в конечном итоге восходит к индоевропейскому корню *reg-, давшему начало в том числе латинскому «rectus», а значит, – опосредованно и слову «rectitude»²⁵. Производные от данного корня индоевропейские слова имели значение «движение по прямой линии», «правитель», «вождь», «править», «вести», «исправлять». Староанглийское «riht» соотносится с **староирландским «reht», которое употреблялось в значении закона**²⁶. Противоположное по значению слову «right» слово «wroŋg» образовалось из староанглийского «wraŋg», которое **означало искривленный, перекрученный, корявый** и этимологически восходит к индоевропейскому корню *wrenth- – «поворачивать», «переворачивать», «вращать». Семантически «wroŋg» является отрицанием «right». Употребление «wroŋg» в моральном значении неправильного, плохого, несправедливого зафиксировано около 1300 г.²⁷

Понятие «rectitude» было довольно распространенным в английской морально-философской литературе того времени. Помимо Прайса, его осмысленно употреблял Бэлгай. Этот термин также активно употреблял Локк, на что обращает внимание Р.Г.Апресян²⁸. В русском переводе «Опыта о человеческом разумении» Локка термин «rectitude» переводят по-разному: то как правильность – и в отношении суждений, и в отношении поступков, то как справедливость, то как строгую нравственность, то как нравственную чистоту. Различие в переводах одного и того же термина в некоторых случаях можно считать оправданным, поскольку сам Локк в разных контекстах употреблял его

²² См.: Harper D. Online Etymology Dictionary <http://www.etymonline.com/index.php?term=rectitude>

²³ См.: Wollaston W. The Religion of Nature Delineated. P. 5.

²⁴ См.: Locke J. An Essay Concerning Human Understanding. Part I // Locke J. The Works of John Locke in 9 vol. 12th ed. Vol. 1. L., 1824. P. 250, 253.

²⁵ См.: Shipley J.T. The Origins of English Words: A Discursive Dictionary of Indo-European Roots. Baltimore (Maryland)–L., 1984. P. 332.

²⁶ См.: Harper D. Online Etymology Dictionary // www.etymonline.com/index.php?term=right

²⁷ См.: Harper D. Online Etymology Dictionary // www.etymonline.com/index.php?term=wrong

²⁸ См.: Апресян Р.Г. Этическая проблематика в «Опыте о человеческом разумении» Дж. Локка // Историко-философский ежегодник. М., 2006. С. 150. Сноска 32.

в разных значениях. По замечанию Р.Г.Апресяна, понятие «rectitude» в «Опыте...» выражало характеристику, которая пока не обрела строгую этическую спецификацию²⁹. Между тем важно понимать, что Локк употреблял «rectitude» именно в качестве понятия, и русский перевод этого не передает, поскольку на месте понятия здесь оказываются всего лишь различные слова. Можно предположить, что преимущественное употребление термина «rectitude» и этимологически родственных ему терминов для обозначения сферы морали Локком и другими авторами отчасти является одним из проявлений влияния на британскую новоевропейскую этику стоицизма (в особенности римского), опосредованного Цицероном. Данное влияние очевидно и в этике Бэлгай, и в этике Прайса. Для них понятие «rectitude» определенно становится этически контекстуализированным и значительно более строгим.

Р.Г.Апресян указывает на несомненную релевантность термина «rectitude» латинскому термину «honestum», который употреблял (или даже ввел в оборот морально-философского рассуждения) Цицерон³⁰. Цицерон использовал данный термин как эквивалент греческого «καλόν» – нравственно-прекрасного как главной характеристики высшего блага. Э.Р.Дик – автор пространного комментария к трактату Цицерона «Об обязанностях» – обращает внимание на то, что термин «honestum» в употреблении Цицерона утрачивает значение внутренней эстетической привлекательности и взамен этого, будучи родственным слову «honor» (честь, почет, уважение), обретает социальное, публичное значение³¹. В русском же переводе В.О.Горенштейна цicerоновского трактата термин «honestum» передается как нравственно-прекрасное, тем самым подчеркивается эстетический аспект понятия и затушевывается его социальное измерение. На неудачность такого перевода указывает, в частности Н.П.Гринцер. Он обращает внимание на то, что в таком переводе утрачивается исходная семантика латинского слова, которое означало «честное, порядочное», причем с очевидными социальными коннотациями. Этимологически слово «honestas» восходит к слову «honor», которое служило терминологическим наименованием официальных почестей в Римской республике³². Как показывает Гринцер, для Цицерона представление о благе в качестве необходимой составляющей включало идею признания, внешней, «народной», «общественной» оценки, которая отсутствовала в греческом понятии³³. И в переводе Н.А.Федорова трактата Цицерона «О пределах добра и зла» термин «honestum» передается как «достойное», что, как считает Гринцер, адекватно передает идею блага, в представлении Цицерона, «в том числе как “почета”, достойного образа поведения в глазах окружающих»³⁴.

Конечно, перевод Цицероном греческого термина «καλόν» как «honestum» был интерпретацией, ведь греческий термин имел вполне определенное значение, которое в переводе Цицерона оказалось либо вовсе утраченным, либо размытым. А в восприятии британских интеллектуалистов слово «honestum» оказалось еще более далеким по значению от греческого источника, а правильнее сказать – противоположным ему. Интеллектуалисты не просто лишили это слово эстетической составляющей, но и противопоставили его понятию прекрасного. Бэлгай и Прайс строго разделяли понятия «honestum» и «pulchrum»,

²⁹ См.: *Апресян Р.Г.* Этическая проблематика в «Опыте о человеческом разумении» Дж. Локка. С. 150. Сноска 2.

³⁰ См.: *Апресян Р.Г.* Европа: Новое время. Введение // История этических учений. С. 554.

³¹ *Duck A.R.* A Commentary on Cicero, De Officiis. Ann Arbor, 1996. P. 69.

³² См.: *Гринцер Н.П.* Римский профиль греческой философии // *Цицерон. О пределах добра и зла. Парадоксы стоиков.* М., 2000. С. 25.

³³ См.: Там же. С. 25.

³⁴ Там же. С. 26.

которые Прайс к тому же пояснил греческими словами «δίκαιον» и «καλόν» («справедливость» и «красота» соответственно)³⁵. Смещение данных понятий они ставили в упрек Хатчесону, полагая, что он ошибочно сводит предмет морального восприятия к красоте – pulchrum – моральных поступков и не отдает себе отчета в том, что красота вторична по отношению к достоинству поступков и всецело детерминирована ею. Именно в смешении Хатчесоном красоты и достоинства они видели одну из причин того, что он неправомерно связал мораль с чувством, а не с разумом³⁶. Как для Бэлгая, так и для Прайса предметом морального познания, является не pulchrum, а именно honestum. Последнее не может быть предметом восприятия никакого, пусть даже особого морального, чувства. Важно подчеркнуть, что и для Бэлгая, и для Прайса, существенным в понятии «honestum» было отнюдь не социальное измерение, а необходимая связь с истиной и разумом. Прайс поставил понятие «honestum» в один смысловой ряд с понятиями «right» и «rectitude».

Примечательно, что при переводе Цицерона на английский язык слово «honestum» и родственное ему слово «honestas» передают именно терминами «rectitude», «moral rectitude», «morality» (мораль) и «moral goodness» (моральная доброта, добродетель), что специально разъясняет Вальтер Миллер – переводчик трактата Цицерона «Об обязанностях» на английский язык в двуязычном (латинско-английском) издании³⁷. В качестве прилагательного термин «honestum» он переводит как «morally right» – морально правильное. А термин «rectum» – как «right», правильное в значении совершенного, абсолютного. Противоположностью же «rectum» является не неправильное, а «medium» – среднее, обычное или обыденное. Данными терминами Цицерон воспользовался для выражения стоического различия совершенной, или прямой, (κατ'ὀρθῶς) и средней (κατ'ἴκον) обязанностей.

Восприятие в британской моральной философии цицероновского термина «honestum» как «rectitude», «moral rectitude» или «right» в той же мере было интерпретацией, в какой интерпретацией (а не переводом) была передача Цицероном греческого термина «καλόν» латинским «honestum». Направление интерпретации задавало само изначальное значение термина «rectitude», унаследованное от латинского источника – «rectitudo» и неявно – опыт его концептуализации в философии. Например, понятие «rectitudo» является центральным в трактате Ансельма Кентерберийского «Об истине» (1080–1085). На русский язык оно передается понятием «правильность». Через это понятие Ансельм определял истину. Истина, которая характеризует не только высказывания и мнения, но также волю и действия, сущность вещей, есть не что иное, как правильность, воспринимаемая умом³⁸. А правильность выражает соответствие чего-либо своему предназначению, или соответствие должному. Например, правильность, или истина воли, проявляется в том, что человек желает того, чего должно желать, или того, для желания чего ему была дана воля, а правильность действий состоит в совершении должного. Присутствие нормативного элемента в понятии правильности стало для Ансельма основанием для отождествления его с понятием справедливости (iustitia)³⁹. Поскольку же и истина

³⁵ См.: Price R. A Treatise on Moral Good and Evil. P. 62.

³⁶ См.: Balguy J. The Foundation of Moral Goodness. Part I. P. 393–394; Price R. A Treatise on Moral Good and Evil. P. 62.

³⁷ См.: Cicero. De Officiis / Translated into English by W. Miller. L.–N.Y., 1928. P. 10 note.

³⁸ См.: Ансельм Кентерберийский. Об истине // Ансельм Кентеберийский. Соч. М., 1995. С. 186, 187.

³⁹ «... если нечто является должным, оно является справедливым и правильным; и ничто другое не существует справедливо и правильное, кроме того, что является должным; я думаю, не может быть справедливость ничем другим, кроме правильности» (Там же. С. 187).

определяется через правильность, то в концепции Ансельма понятия истины, правильности и справедливости едины и взаимоопределяемы. По существу Ансельм говорил о двух видах правильности. Первый выражает меру соответствия чего-либо своему назначению, определенного рода долженствование. Второй является причиной всех видов правильности в мире, высшей, единой истиной, которая «никому ничего не должна, и она есть то, что есть, не по какой другой причине, кроме той, что существует»⁴⁰. Правильность во втором значении совпадает со справедливостью в метафизическом смысле, которая выражает должный порядок в мире в целом. В метафизическом смысле можно считать справедливым животное, слепо следующее своему инстинкту, поскольку тем самым оно проявляет себя так, как и должно проявлять себя животное, или огонь, поскольку он горячий. Но Ансельм также говорит и о справедливости в узком, собственно моральном, смысле слова. В моральном значении справедливость присуща исключительно разумным существам. Она означает правильность воли (желание того, что должно желать), сохраняемую ради нее самой, а не по принуждению или ради внешней награды, и предполагает свободу. Лишь такая справедливость является предметом моральной оценки, знаком морального достоинства человека. Для того, чтобы быть справедливым и достойным, моральный субъект должен знать, что является правильным, желать того, что является правильным именно потому, что это является правильным и ни по каким иным причинам, а также воплощать правильное в поступках. И как бы ни понималась *rectitudo*-правильность – в метафизическом или в моральном контексте, – определяющими для этого понятия в концепции Ансельма является его необходимая связь с истиной, разумом и должным. Тот же акцент в понятии *rectitude*-морали существенен в интеллектуалистских концепциях.

В работах Бэлгая и Прайса термин «*rectitude*» в различных контекстах употреблялся для выражения существенной моральной и неморальной характеристики – действий, способностей. Например, *rectitude* в применении к познавательным способностям человека выражает меру их адекватности, соответствия стоящим перед человеком познавательным задачам. Термин «*rectitude*» также использовался для обозначения синонима добродетели, морали вообще, универсального морального закона (последние два значения характерны именно для прайсовского употребления «*rectitude*»). Определенно можно утверждать, что при обозначении моральной сферы с помощью понятия «*rectitude*» подчеркивалась рациональная природа морали, ее связь с истиной и разумом, а также долженствовательный характер морали. Бэлгай прямо противопоставлял данное понятие в применении к моральным действиям понятиям красоты и удовольствия от ее восприятия, подчеркивая: «следует помнить, что мы исследуем не красоту или удовольствие, а только *rectitude* моральных действий»⁴¹. И далее он определял «*rectitude*» моральных действий как их соответствие разуму⁴². У Прайса понятие «*rectitude*» стало максимально обобщенным, по значению эквивалентным современному понятию морали, так что вполне корректно передавать его на русский язык термином «мораль». Прайс описывал «*rectitude*» как универсальный закон, определяющий существование мироздания, и как обращенное к человеку правило. *Rectitude*-правило задает меру, стандарт, с которым человек должен соотносить свои поступки и совпадает с разумом⁴³.

⁴⁰ Ансельм Кентерберийский. Об истине. С. 184.

⁴¹ Balguy J. The Foundation of Moral Goodness. Part I. P. 397.

⁴² См.: Ibid. P. 397.

⁴³ См.: Price R. A Treatise on Moral Good and Evil. P. 108.

В последующем развитии моральной философии термин «rectitude» оказался постепенно вытесненным из этического лексикона. Можно предположить, что хотя бы отчасти это было связано с тем, что изначально данный термин имел содержательно-определенное значение, указывающее на рациональную природу морали и ее долженствовательный характер. Акцентирование рациональности и императивности морали в самом ее обозначении имело особый смысл в контексте противостояния интеллектуализма и сентиментализма – этических концепций, первая из которых связывала природу морали исключительно с разумом, вторая – с моральным чувством. Вне данного контекста такое акцентирование перестало быть актуальным. В силу особенностей значения термин «rectitude» в качестве обобщающего термина для обозначения всей моральной сферы не мог конкурировать с термином «morality» («мораль»). С одной стороны, термин «rectitude» был шире понятия морали, если употреблялся в метафизическом контексте, с другой – в применении к моральной сфере он был более специфичным в силу устойчивой ассоциации с истиной и разумом. Для выражения содержательно-определенного, конкретного значения, ассоциировавшегося с понятием «rectitude», стали использоваться другие, родственные ему понятия⁴⁴, в частности, – понятие «right». Однако данные понятия уже акцентировали не столько рациональную природу морали, сколько ее долженствовательный характер.

* * *

Философское творчество в определенном смысле сходно с поэтическим. Формирование поэтического образа неотделимо от поиска его вербального выражения, поэт не знает, что хочет сказать, до тех пор, пока этого уже не сказал, и коррекции, которые он вносит в поэтические тексты, представляют собой не столько усилия по поиску наиболее точных слов для выражения уже сложившегося образа, сколько усилия по формированию самого образа⁴⁵. Точно так же и философ не просто подыскивает слова-термины, в которые можно было бы облечь готовые идеи, но посредством слов-терминов он формирует сами идеи, углубляет и осознает их. Мы видим, как в произведениях новоевропейских моральных философов постепенно складывается тот терминологический аппарат, который станет основой современного этического языка. Но одновременно это был и процесс самоидентификации моральной философии, в ходе которого происходила концептуализация феномена морали, ее содержательного и функционального своеобразия. Без анализа лексикографической составляющей этого процесса его полноценное философское осмысление вряд ли уже можно представить возможным.

⁴⁴ Например, Дугалд Стюарт в предисловии к английскому изданию 1892 г. «Теории нравственных чувств» Адама Смита указывает на то, что в данном произведении Смит для обозначения качества поведения, которое другие моралисты называли как правило термином «rectitude», применяет термин «propriety» – надлежащее (*Stewart D. On the Theory of Moral Sentiments, and the Dissertation on the Origin of Languages // Smith A. The Theory of Moral Sentiments; to Which is Added a Dissertation on the Origin of Languages. L., 1892. P. xxii*) (подробный анализ данного понятия в употреблении Смита см.: *Апресян Р.Г. Понятие «надлежащее» в «Теории нравственных чувств» Адама Смита // Историко-философский ежегодник. М., 2005. С. 88–107*). Следует отметить, что Смит использует и термин «rectitude», однако, по частоте его употребление несоизмеримо мало с употреблением термина «propriety».

⁴⁵ См.: *Оукиот М. Вавилонская башня // Оукиот М. Рационализм в политике и другие статьи / Под ред. Л.Б.Макеевой, А.Б.Толстова. М.Ф.Косиловой. М., 2002. С. 121.*